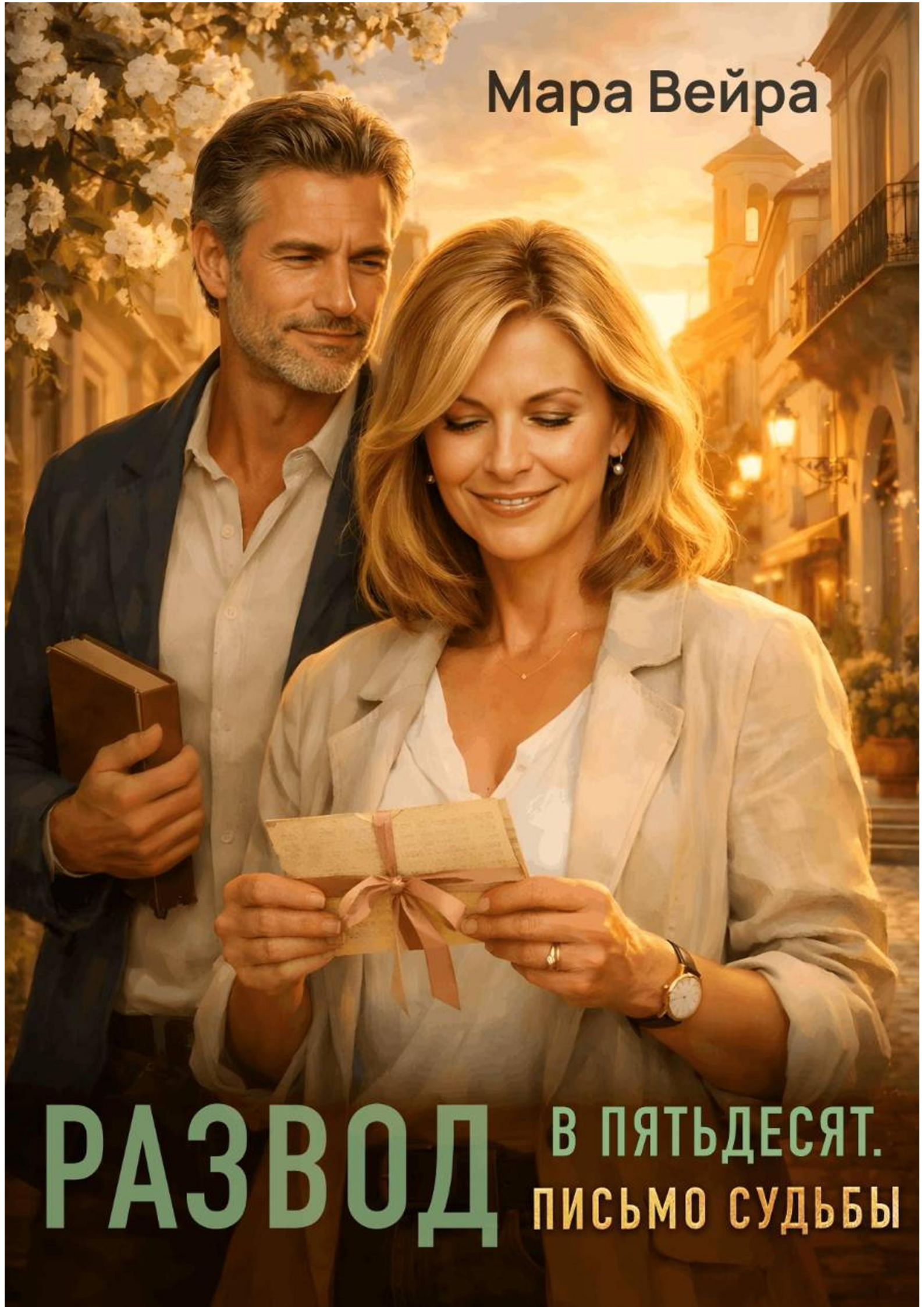

Мара Вейра

РАЗВОД В ПЯТЬДЕСЯТ.
ПИСЬМО СУДЬБЫ

Мара Вейра

**Развод в пятьдесят.
Письмо судьбы**

«Автор»

2026

Вейра М.

Развод в пятьдесят. Письмо судьбы / М. Вейра — «Автор», 2026

«Тебе пятьдесят. Ты уже не нужно сверкать серёжками. Знай свое место». Признание мужа ставит точку в прочном, казалось, браке в день юбилея Виктории. Но это, как оказывается, это не конец, а начало. Она покупает свою первую квартиру, находит юношеский список несбывшихся мечт и случайно раскрывает семейную тайну: письмо о спрятанных золотых полтинниках, которые должны были спасти детей крепостных. Разгадка приводит к соседу Виктору — мужчине, который, как и она, знает цену потерям и умеет молчать так, что хочется говорить. Для тех, кто знает: счастье приходит, когда перестаёшь его торопить. психологическая проза / второй шанс / тайны прошлого

© Вейра М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Торт на двоих	5
Глава 2. Список желаний	8
Глава 3. Свободная личность	11
Глава 4. Переезд	14
Глава 5. Находка	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Мара Вейра

Развод в пятьдесят. Письмо судьбы

Глава 1. Торт на двоих

— Закрой глаза, сейчас будет сюрприз!

Муж Гена ни разу не готовил мне подарок сам. Все годы нашего брака это было заботой его мамы. Свекровь умела выведать мои желания так ловко, что я рассказывала все до последней детали: фасон, цвет, размер. А потом делала вид, что удивлена.

Больше года, как её не стало. И вот — сюрприз.

Если совсем честно, я хотела серьги. Красивые, дорогие, с сапфирами — такими голубыми, как небо над морем в августе, когда мы ездили туда молодыми.

Но решила не подсказывать. Хотела посмотреть, на что он способен, когда рядом нет мамы. Серьги я всё равно в итоге попрошу, это не проблема.

— Я иду! Вика, только не открывай глаза.

Из глубины квартиры донесся грохот, что-то крупное упало на пол. Потом тишина. Потом скрип, шуршание, сопение.

— Готово!

И фальшиво, с торжеством человека, убежденного в своей щедрости:

— Хэ-эппи бёздей ту ю-у! С юбилеем!

Я открыла глаза.

Первая мысль — швейная машинка. Почему-то именно она. Но нет.

Посреди гостиной, едва уместаясь на пуфике, стоял кухонный комбайн. Немецкий, торжественно уточнил Гена.

Малиновый — ядовито, вызываяще малиновый — с лакированными боками и разинутой пастью, в которую была вставлена огромная алюминиевая чаша. Он блестел под люстрой так самодовольно, словно считал себя шедевром инженерной мысли.

От такого сюрприза я лишилась дара речи.

Но тогда я ещё не знала, что главный сюрприз этого вечера — впереди.

А начиналось всё, казалось бы, неплохо.

Пятидесятилетие я решила не отмечать. Ну, то есть — по-настоящему не отмечать. Никакого ресторана, гостей, тостов, от которых потом хочется провалиться сквозь землю: «Ты совсем не выглядишь на полтинник!» — и все смотрят с таким видом, будто пятьдесят это диагноз.

На работе, как у нас в техникуме принято, после пар собрались в преподавательской. Пили чай, ели торт. Я испекла «Наполеон» по маминому рецепту: фирменный, с фисташковым кремом и малиной. Тесто хрустит, крем тает во рту, малина чуть кислит.

Этот вкус помню с детства, с маминой кухни, где всегда пахло ванилью и сливочным маслом. Фисташки тогда были дефицитом, их присылал наш родственник из Турции. Коллеги просили рецепт. Я обещала скинуть.

Директор техникума поздравил с юбилеем, вручил грамоту в рамке, конверт с премией и букет белых хризантем — крепких, с острым горьковатым запахом. Студенты принесли стенгазету. Там было написано красными маркерами, с завитушками: «Наша Виктория Юрьевна — нестареющая классика. С юбилеем!»

Я смеялась вместе со всеми.

Потом подошла математик Лариса Степановна, мы с ней двадцать лет бок о бок, и сказала задумчиво, разглядывая меня поверх очков:

— Для своих лет вы в хорошей форме, Виктория Юрьевна.

Я поблагодарила. Улыбнулась. Пошла за следующей чашкой чая.

Для своих лет.

В этом году мой день рождения выпал на пятницу, и город за стенами техникума был особенно шумным, нетерпеливым. Все торопились на выходные.

А я ехала домой в переполненном метро, придерживая пакет с хризантемами, и думала, что полтинник — это грустно. Просто грустно, и ничего с этим не поделаешь.

Сын с женой в Италии — дорого лететь. Они приезжали летом, мы всё понимаем, никаких обид. Мама умерла три года назад. Подруга Нина в отпуске в Кисловодске.

Мы с Геной решили посидеть вдвоем.

Что-то вроде романтического ужина. Почему бы и нет? Я наготовила: салат с руколой и помидорами черри, мясо по-французски с хрустящей корочкой, картофель с розмарином.

На столе стояли свечи: две белые, тонкие, в медных подсвечниках, которые купила еще прошлой осенью и всё ждала подходящего случая. Откупорила хорошее вино — темное, гранатовое, с запахом чернослива и дуба. Второй «Наполеон» ждал на кухонной стойке под стеклянным куполом.

Я сидела за столом в своём тёмно-зелёном платье, которое Гена когда-то назвал красивым, и смотрела, как дрожат огоньки свечей.

Муж припозднился. Он работает операционным директором в небольшой компании, и в последние месяцы вечерние совещания стали у него обыденными, почти ежедневными. Я уже и спрашивать перестала.

Когда он, наконец, вошел, я сразу почувствовала: что-то не так. Не запах, хотя и запах был странный, чужой. Словно муж побывал там, где я никогда не бывала.

А главное — глаза. Темные, с лихорадочным блеском, которого я давно не видела. Щёки чуть красные. От холода? Или от чего?

— Вика, с юбилеем, дорогая! — он не снял пальто, только расстегнул верхние пуговицы. — Закрой глаза. Сейчас будет сюрприз!

Вот с сюрприза всё и началось.

Не знаю, что на меня нашло. Может, накопилось за день: от «нестареющей классики» до «для своих лет в хорошей форме». Может, виноваты свечи, которые уже догорали в тишине. Возможно, сыграло вино, бокал которого я выпила в одиночестве, пока ждала.

А может, это был просто комбайн.

...Я смотрела на малиновое чудище, на улыбающегося Гену — довольного, уверенного, что попал в точку. И то, что так долго сжималось во мне, вдруг лопнуло.

— Ты серьёзно?

Улыбка медленно сползла с его лица.

— В смысле...

— Ты издеваешься? — мой голос прозвучал опасно тихо, будто со стороны. — Правда думаешь, что мне можно дарить только кухонную утварь?

Слово «утварь» вырвалось само — старомодное, похожее на ругательство. Именно то, что нужно.

— Что тебя не устраивает? — Гена быстро опомнился, он никогда не пасовал. — Дорогой комбайн. Немецкий.

— А спросить не мог? — я встала. Не резко. Просто подошла вплотную. — Я хотела серьги. Золотые. С бриллиантами.

Это была неправда, ведь я хотела с сапфирами. Но именно «с бриллиантами» прозвучало как надо.

— Зачем тебе серьги? — в его лице проступило что-то острое, нехорошее.

— То есть серьги — это не для меня? Кому же тогда даришь?

Последнее я произнесла почти шутя. Ещё не понимала, что уже стою на краю.

— Женщине! — тёмные глаза мужа сверкнули. — Тебе сегодня полтинник стукнул, Вика. Полтинник! Ты уже не молодая коза, чтобы бегать и сережками сверкать. Знай своё место и не выпендривайся.

Я почувствовала, как внутри все сжалось. Не от обиды. Я давно научилась не обращать внимания на эти вспышки мужа, когда кровь в нём играла громче разума.

Но зацепило другое слово.

— Подожди. Что значит — женщине?

Гена напрягся. Едва заметно.

— В каком смысле?

— Ты сказал: подаришь серёжки женщине. Какой женщине, Гена?

— Я пошутил, — он отвел взгляд. Не влево, не вправо. Чуть в сторону. К торшеру с янтарным абажуром.

Вот так он всегда делает, когда лжёт. Я замечаю. Двадцать семь лет замечаю.

— Гена... — произнесла я тихо. Почти весело. Ещё не веря в то, что сама собираюсь спросить. — У тебя кто-то есть?

Глава 2. Список желаний

Я ждала, что он фыркнет, скажет «ты с ума сошла», и мы поорём друг на друга так, как умеют только люди, которые давно и крепко женаты. А потом обнимемся, и он всё-таки достанет сережки, спрятанные в кармане пиджака. Я почти видела эту картину.

— Вика, — сказал Гена. — Давай присядем.

Голос у него был слишком серьезным, как перед важным разговором. Муж опустился в кресло у окна, и огни с улицы упали на его лицо странными красными и золотыми полосами.

Я не спешила: поставила новые свечи, выключила верхний свет и села напротив, на краешек стула, почувствовав, как холодеют руки. Хотя в комнате было тепло. Уютно пахло ванилью от торта.

— Мы взрослые люди, — начал он и замолчал.

— Продолжай, — кивнула я.

— Повторяю: мы взрослые люди. Ты должна понимать очевидное: женщина стареет раньше, чем мужчина, — он заговорил почти деловито, как на собрании. — Вика, вспомни: когда у нас с тобой последний раз был секс?

Тишина между его словами и моим ответом длилась, кажется, целую вечность. С улицы долетел детский смех.

— Летом. На даче, — сказала я.

— Летом на даче, — повторил он, как эхо. — Прости, Вика. Но ты... ты больше не привлекаешь меня как женщина.

Я смотрела на него и не знала, что ответить.

В голове мелькнуло: «он тоже давно не привлекает меня как мужчина».

Но разве это стояло между нами? Долгие годы вместе, запах его одеколона в ванной, сын Артём, у которого отцовские брови и мои руки, первая машина, первая дача, его мама, которую я выхаживала три года...

— То есть двадцать семь лет это ничто, ничего не значит? — спросила я.

— Вика, не преувеличивай, — он чуть поморщился. — Всё значит. Мы хорошо жили. У нас есть сын, скоро внуки будут. Это никуда не денется. Я к тебе хорошо отношусь.

— И что дальше?

— А дальше наши пути разойдутся, — муж произнёс это так, словно говорил о маршрутах общественного транспорта. — Жаль, что приходится говорить тебе это в твой юбилей. Но ты сама вынудила. Я хотел сказать завтра.

Завтра. Значит, уже было решено.

— Это твоя женщина посоветовала подарить мне кухонный комбайн? — спросила я.

На его лице мелькнуло выражение, похожее на смущение.

— Света хотела как лучше. Думала, что тебе понравится.

— Света, — повторила я. Слово было круглым, как камешек во рту. — И кто же у нас Света?

— Вика, я не хочу отвечать хамством на хамство.

— Я не хамлю, Гена. Я спрашиваю.

Он выдержал паузу.

— Света работает в нашей бухгалтерии. Ей тридцать два года.

Тридцать два. Я была моложе, когда мы с ним познакомились.

— Вот почему ты всё время задерживался, — сказала я. Не спросила — отметила факт, ставя точку там, где раньше был вопрос.

— Вика, я не собираюсь обсуждать подробности своей личной жизни, — Гена встал, и кресло тихо скрипнуло. — Я уйду. Разведёмся в ближайшее время. Пока проживу у Светы.

По имуществу составим соглашение, всё поделим честно. Мы же столько лет прожили вместе, незачем уродоваться. Купишь себе квартиру.

Он вышел из комнаты. Я слышала, как хлопнула дверца шкафа в прихожей, как звякнули ключи, как щелкнул замок.

Дверь закрылась мягко. Муж даже не хлопнул ею...

Не знаю, сколько времени просидела вот так — за накрытым праздничным столом, где посередине возвышался торт, а по краям догорали тонкие свечи. Одна уже погасла сама. Воск стёк на скатерть маленькой белой слезой и застыл.

Тишина в квартире становилась странной: не пустой, а тяжёлой, как перед грозой. Даже с улицы не долетало ни звука сквозь плотно закрытые окна.

Я встала, взяла нож с деревянной ручкой и отрезала себе щедрый и нахальный кусок «Наполеона».

Гена этот торт не любит. Ему подавай классический, без затей. А я решила в этот раз испечь для себя. Раскатывала тонкие коржи, варила малиновый конфитюр, вбивала масло в крем на фисташковой пасте. Пекла не спеша вчера вечером, пока он «задерживался на работе», и думала, что готовлю себе праздник.

Оказывается, так и было. Только по-другому.

Я положила кусок на тарелку, села, попробовала. Крем был нежным, малина кислила, фисташка давала ореховую тёплую ноту. Хорошо получилось.

Телефон взорвался трелью мессенджера — громко, почти возмущенно.

Ах да. Дети.

На экране заплясало лицо Артёма — загорелого, смеющегося, — и рядом Оля, его жена, в лёгком платье. За их спинами угадывались черепичные крыши маленького итальянского городка, розовые в закатном свете, игрушечные.

— Мамочка! С юбилеем! Мы тебя обожаем!

Они запустили в небо шары — синие и золотые. Шары уплывали вверх один за другим, таяли в тёплом итальянском воздухе.

— Спасибо, мои хорошие, — сказала я и улыбнулась. По-настоящему. — Папа ещё на работе, скоро придёт.

Мы поговорили немного, я помахала в камеру и отключилась. Положила телефон на стол. Посмотрела на догорающую свечу.

Дети пожелали мне денег и счастья. Подумала: а я чего хочу? Что я себе желаю сейчас, сегодня, в свои пятьдесят?

Я встала и пошла в комнату — ту, что раньше была детской, а потом стала просто моей. Села за рабочий стол, выдвинула нижний ящик. Там, под стопкой старых журналов и пачкой артемовых детских рисунков, лежала тонкая тетрадка в голубой обложке, давно выцветшей до бледно-серого.

Я помнила, когда писала ее.

Тридцать лет назад. На свое двадцатилетие. Сидела вот также за столом в комнате у родителей и записывала всё, чего хочет Вика от своей жизни. Очень серьёзно записывала. С нумерацией.

Я раскрыла тетрадку.

Страница пожелтела по краям, чернила кое-где выцвели, но почерк был мой — круглый, старательный, еще не тот торопливый, каким пишу сейчас.

Я пробежала глазами по списку.

Ни один пункт не выполнен.

Ни один.

Я дошла почти до конца страницы и остановилась.

Там в самом низу, под всеми мечтами о путешествиях и профессии и собственном доме с садом, стояло:

«Удачно выйти замуж».

Я смотрела на эти слова. Потом засмеялась коротко, почти беззвучно.

Даже это. Даже этот пункт оказался не выполнен.

Глава 3. Свободная личность

— Ну и дела! Тебя надолго нельзя оставлять!

Нина бросила сумку на соседний стул — яркую, медово-рыжую — и с размаху уселась напротив. Выглядела она как человек, который не намерен тратить время на прелюдии.

— Привет, я тоже рада тебя видеть! — улыбаюсь подруге.

— Привет! Уезжаю всего на три недели, а ты успеваешь мужа с любовницей застукать и развестись. Вика, как ты смогла?

— Не преувеличивай, — я отодвинула меню, которое знала наизусть. — Любовницу я даже не видела. И не разведена пока. Нам дали месяц на раздумья, остались еще две недели.

— И что ты надумала?

Кафе-кондитерская «Мариша» в этот час было заполнено ровно настолько, чтобы чувствовать себя среди людей, но не в толпе. Пахло ванилью и выпечкой, негромко играл джаз — неторопливо, почти сонно.

Мы с Ниной сидели за любимым столиком у широкого подоконника с геранью. Снаружи моросил сентябрь, и город за стеклом выглядел акварельным, расплывчатым.

Перед каждой из нас официант поставил десерт «Анна Павлова»: белоснежная меренга, клубника, облако сливок. Нина сразу отломилла ложкой кусок. Я пока не притрагивалась.

— Нин, — сказала я, — думай или не думай, что это изменит? Всё уже решено.

— Ладно, — Нина прожевала и прищурилась. — Квартира, машина, дача? Делить будете?

— Делим без скандала. Дача давно записана на Артема по дарственной. Это внукам, когда будут. Квартиру и машину Геннадий оставляет себе, мне платит компенсацию. Я не против, всё равно за рулем не езжу.

— Ты не хочешь бороться за свое счастье с Геной? — подруга удивилась притворно, знаю я ее взгляды на супружескую жизнь.

— Нет, Нин, не хочу. Гена меня сильно... даже не обидел. Я бы сказала — разочаровал. Не хочу его, все. Начала смотреть квартиры в другом районе. Ищу ближе к центру, пусть не в новостройке. Гена не скупится. Риелтор говорит, на хорошую двушку в центре хватит.

— Вика, — Нина положила ложку, и в её голосе появилась знакомая мне интонация. Таким тоном она обычно объявляла вещи, очевидность которых другие не замечают. — Это же прекрасно. Скажи спасибо своей конкурентке.

— Её Светланой зовут.

— Прекрасно. Скажи спасибо Светлане. Она освободила тебя от бремени ухода за стареющим индивидуумом. Сколько твоему Гене — пятьдесят четыре? Скоро он превратится в толстое ленивое существо с повышенным давлением, кучей болячек и стремительно ухудшающимся характером. Светлана, можно сказать, взяла на себя социальную нагрузку.

— Какую ужасную картину ты рисуешь.

— Реалистичную, — невозмутимо поправила Нина. — Я знаю статистику.

Нина у нас «продвинутый пользователь». Читает в интернете всё подряд, от научпопа до телеграм-каналов про нейробиологию, и цитирует с уверенностью. Спорить с ней бесполезно: она просто находит другую статистику.

— А теперь ты свободная личность, — продолжала Нина, — с собственной квартирой и без обязательства готовить ужин человеку, которому ты неинтересна. Найди молодого любовника и наслаждайся жизнью!

Легко ей советовать.

Нина — яркая брюнетка с роскошной женственной фигурой, которую она в свои пятьдесят два носит с видом человека, знающего себе цену. В строительной компании, где работает,

она единственная женщина среди коллег. Отбоя от поклонников не было, нет и, судя по всему, не предвидится.

Дважды разведена, занимается йогой, принципиально не заводит серьезных отношений и говорит об этом с таким видом, что хочется ей верить. У нее своя теория: после пятидесяти умная женщина живёт для себя, а не для мужчины.

— Нин, — сказала я терпеливо, — надо сначала квартиру купить, с мужем окончательно развестись, разобраться с документами, переехать. А потом уже о молодом любовнике думать.

— Думать о молодом любовнике никогда не поздно! — Нина отодвинула пустое блюдечко, подняла указательный палец и выразительно повела глазами в сторону барной стойки. Там симпатичный бариста лет двадцати пяти, с аккуратной щетиной и закатанными рукавами колдовал над кофемашиной.

Я засмеялась — по-настоящему, до слез в глазах.

Нина умеет так: поймать нужный момент, сказать что-то одновременно смешное и серьезное, и ты смеешься, хотя только что была готова заплакать. Это её особый дар.

Но на краю сознания я всё-таки отметила: она говорит об этом слишком настойчиво. Слишком убежденно. Как человек, который в первую очередь убеждает себя.

Встреча с Ниной в эти дни была словно форточка в душной комнате.

Потому что на работе стало душно по-настоящему.

Коллеги узнали. В нашем колледже искусств новости распространяются быстрее, чем в сериале. Муж преподавательницы теории музыки работает в одной компании с Геннадием, а Светлана, судя по всему, не посчитала нужным держать своё счастье в секрете.

В итоге однажды утром я вошла в преподавательскую и ощутила особую тишину — ту, которая бывает, когда разговор прерывают на полуслове. Теперь на меня смотрят с той смесью сочувствия и плохо скрытого любопытства, которая хуже жалости.

Заведующая отделением эстрадного пения, дама с башней из окрашенных хной волос и вечной ниткой жемчуга, подошла ко мне у кофемашины. Она понизила голос до доверительного полусёпота, спросив: «Ты как?»

— Отлично, — ответила я.

Как ни странно, почти не солгала.

Хотя всё непросто и по-разному. Бывают ночи, когда лежу в темноте и перебираю годы нашего брака. Это все равно, что листать старый альбом: вот этот год, вот тот.

Ищу момент, где что-то пошло не так. Не нахожу.

Зато вижу сто двадцать семь лет маленьких компромиссов. Таких аккуратных, незаметных — каждый казался разумным. Отказалась от конференции в Питере, потому что Гена с Тёмой дружно подхватили грипп. Не пошла на курсы — некогда. Перечитала вместо своих книг те, что задали сыну по программе, чтобы помочь с сочинением. Готовила не то, что хотела, а что любил муж.

Всё для мужа и сына. Минимум для себя.

Едва я открыла дверь квартиры — ещё с ключом в руке, не успев снять пальто, — зазвонил телефон. Артем.

— Ма, — голос сына звучал немного растерянно, почти по-детски, хотя ему уже двадцать пять, и звонит он с хорошим итальянским фоном: живые голоса, прекрасная музыка. — Папа мне сообщил про развод. Я даже не знаю, что тебе сказать. Он объяснил, что это ваше совместное решение... что вы решили пожить для себя. Это правильно?

Я прислонилась к дверному косяку.

— Дорогой, всё хорошо. Это, и правда, наше общее решение. Мы оба остаемся твоими родителями, просто станем жить в разных квартирах. Когда приедете с Олей, будет куда ходить по гостям, теперь выбор появится.

— Ты точно в порядке?

— Точно. Занимаюсь квартирой, смотрю варианты. Скоро у меня будет собственное гнездо. Можешь приезжать без предупреждения.

Тёма немного помолчал. Слышно было, как он выдохнул:

— Ладно. Ладно, мам. Как ты сказала — два адреса, два стола?

— Именно, — я улыбнулась.

Мы попрощались. Я повесила пальто.

И только тогда — в тишине прихожей, с телефоном в руке — поняла: это я его успокаивала. А не он меня.

Но ведь так было всегда.

Простуда укладывала кого-то из моих мужчин? Я разрывалась между работой и кастрюлькой с малиновым вареньем, аптекой и «выпей, пожалуйста, таблетку, я тебя прошу». Когда сама слегла с той же простудой и температурой, всё равно вставала утром, жарила яичницу с беконом и заваривала Генин любимый чай из смородинового листа.

Потому что так было правильно и так было принято.

Потому что иначе как-то неловко.

Только сейчас я увидела это словно со стороны: маленькие фигурки на сцене, и одна из них — я. Та, что всё время чуть-чуть уступает, сдвигается, освобождая место для других.

Больше — нет.

Сын взрослый. Муж — забота не моя, а Светланы, которую я никогда не видела. И, надеюсь, не увижу.

Я не успела приступить к ужину, как позвонила Лиза — риелтор, живая и деловитая, с привычкой говорить быстро и по существу:

— Виктория Юрьевна, есть квартира. Думаю, именно то, что вы хотели. Старый фонд, кирпичная пятиэтажка, перекрытия железобетонные. Исторический центр, тихий двор. Ремонт хороший, свежий. Соседи приличные. Будем смотреть?

— Конечно, будем, — сказала я и почувствовала, как немного отпустило. Не сильно, не окончательно, чуть-чуть. Как бывает, когда в духоте открываешь окно.

Новая квартира. Новый район. Стены, которые ещё ничего про меня не знают.

«Да-да, и молодого любовника!» — мысленно я услышала Нинин голос с вдохновляющей интонацией.

Я засмеялась в пустой кухне.

На молодого любовника у меня, честно говоря, нет ни сил, ни желания, ни малейшего намерения.

Но список — тот самый, двадцатилетней давности — лежал на столе.

Я посмотрела на пункт «купить свое жилье».

Скоро отмечу хотя бы этот один.

Впервые у меня будет свое собственное жилье. Только мое.

Глава 4. Переезд

Но въехать в теперь уже собственную и только мою квартиру я смогла лишь через месяц. — О, это мы с вами, считайте, в кратчайшие сроки все оформили! — успокаивала меня риелтор Лиза с таким воодушевлением, будто речь шла о ее собственной победе.

Она и правда радовалась искренне, по-детски. Лиза из тех людей, которые относятся к своей работе с азартом. Двушка на третьем этаже добротной «сталинки» практически в центре города, но в тихом квартале, досталась ей в жёсткой борьбе с конкурентами.

Лиза рассказывала об этом, понижая голос и чуть наклоняясь вперед, как разведчик, вернувшийся с задания. Желающих было немало: и молодая семья с детьми, и рантье, который, по словам Лизы, просто скупал все подряд в этом районе.

Но продавец выбрал меня.

Собственник квартиры Виктор Олегович Громов, неулыбчивый мужчина, похожий на немолодого актёра из итальянского кино, вызвал меня на отдельный разговор. Мы сидели в переговорной комнате агентства, пили скверный кофе из бумажных стаканчиков, и он смотрел на меня внимательно, без спешки, будто читал между строк.

— Одинокая женщина, преподаватель литературы, — сказал он, наконец, — это соответствует моим представлениям о тихом соседстве.

Я тогда не сразу поняла про соседство. Переспросила. И выяснилась деталь, которую Лиза почему-то приберегла напоследок: Виктор Олегович станет моим соседом по площадке. Дверь напротив.

Квартира, которую я купила, принадлежала его пожилой родственнице, жившей там до самой смерти. После неё жилплощадь перешла к Громову по наследству и несколько лет просто пустовала.

— В конце концов, мне надоело регулярно нанимать клининг, — объяснил Громов без лишних эмоций. — Решил найти квартире хозяйку.

Не владельца, не покупателя — именно хозяйку. Я запомнила это слово.

С квартирой мне, безусловно, повезло. Просторная для двушки, с большой прихожей, высокими потолками с лепниной и широкими подоконниками, она была светлой даже в пасмурные дни.

От прежней хозяйки остался лишь один предмет мебели. Большой шкаф из красного дерева со стеклянными вставками, потемневшими от времени, стоял в прихожей. Он занимал почти всю стену, солидный и неколебимый, как хранитель. Шкаф был забит книгами — плотно, без просвета.

— Жалко было выбрасывать такой раритет, — пояснил Виктор Олегович при передаче ключей и кивнул на шкаф. — Да там и книги могут быть ценные. Вы как специалист посмотрите. А всю остальную мебель я по объявлению раздал самовывозом и свежий ремонт сделал.

Сказал коротко, по-деловому, было ясно: тема закрыта.

В первый же мой день на новом месте мы с ним случайно встретились у почтовых ящиков.

Я спустилась на первый этаж в старом свитере, волосы наспех убраны. Первый выходной, когда ещё не чувствуешь себя как дома и проводишь разведку окрестностей.

В подъезде пахло осенью: кто-то занёс на подошвах мокрые листья, и этот запах — прелый, горьковатый — смешивался с известковой прохладой старых стен.

Виктор Олегович шёл с улицы. В руках он держал потрепанный томик: маленький, в мягкой обложке, явно читанный не раз. Я машинально посмотрела.

Бунин. «Тёмные аллеи».

Надо же.

— Тёмные аллеи? — спросила, просто чтобы не молчать, пока возилась с непослушным замком ящика. — Серьёзно?

Сосед посмотрел на меня без улыбки, с лёгким прищуром и ответил с точно отмеренной долей сарказма:

— А вы читали? Или только преподавали?

«Надо же, кусачий какой!» — определила я мысленно, разворачивая найденный в ящике журнал с таким видом, будто издание меня занимает. Отметила про себя: «С этим Громовым надо поосторожнее. Отношения портить ни к чему, всё-таки соседи, мало ли что».

Он молча забрал свою почту — несколько конвертов и сложенную газету — и ушел первым, не прощаясь. Шаги по каменным ступеням размеренные, без спешки.

Всё понятно. Типичный нелюдим-одиночка. Возраст для мужчины еще не пенсионный, но, возможно, он на пенсии по выслуге — военный, силовик, может летчик? Из тех, кто выходит рано и потом не знает, куда девать время.

Непохоже, чтобы он куда-то торопился. Вообще непохоже, чтобы он когда-либо куда-то торопился.

Я поднялась к себе и поставила чайник.

Глава 5. Находка

Первые дни на новом месте были странными. Ни плохими, ни хорошими, а именно странными. Такими бывают первые страницы незнакомой книги, когда ещё не понимаешь, понравится ли, но уже не можешь отложить.

Я занималась обустройством. Сначала встречала грузчиков, двух молодых ребят. Они двигали мебель легко и профессионально, переговариваясь вполголоса. Потом пришли сборщики, с деловым стуком собирали мою кровать и шкафы.

Эту мебель я выбирала сама, впервые в жизни без учета иного мнения, без компромиссов. Светлый ясень, мягкие линии, никаких темных углов.

Потом разбирала вещи. Расставляла книги с закладками и пометками на полях. В гостиной повесила любимую репродукцию Хоппера: белый маяк на холме, синее море, одинокая яхта. Долго искала нужную высоту, отступала на шаг, смотрела. Осталась довольна.

И вдруг — в какой-то обычный вечер, когда за окном шумел осенний ветер и стучал дождь, а у меня на кухне закипал чайник и пахло мятным чаем — я вдруг обнаружила, что мне хорошо.

Не счастливо. Нет. Но — хорошо. Тихо и просторно.

Я сидела в кресле с кружкой в руках, слушала, как дождь щёлкает по стеклу, и понимала, что это ощущение настоящее. Не придуманное.

Возможно, дело было ещё и в том, что последний месяц в прежней квартире я чувствовала себя не на своём месте.

Все там напоминало о прошлом. Кровать в скандинавском стиле, которую мы долго и мучительно выбирали вместе с Геней: объездили три магазина, поспорили, помирились прямо у стенда с матрасами. «Стенка», которую подарила нам мама на новоселье, и которая с тех пор стояла как часть пейзажа. Любимое кресло Тёмки, продавленное с правого подлокотника...

И теперь каждая вещь там кричала мне об обмане. Все потеряло цену.

Семейные фотоальбомы — такие уже не хранят, всё давно в телефоне и облаке — пылились в нижнем ящике «стенки», не смотренные лет десять.

Я даже не стала перелистывать их. Взяла себе только один, с маленьким Тёмкой: вот он в ванной с резиновым утенком, вот на даче с перемазанными черникой губами, вот на первом звонке, серьёзный и немного испуганный.

Остальные альбомы, семейные фото в рамках, ненужные бумаги и старые журналы упаковала в мешки для мусора. В одно из воскресений, в ясный, пахнущий прелой листвой день, выбралась на такси на дачу и устроила акт сожжения. Огонь занялся не сразу, бумага была плотная. Я стояла и смотрела, как чернеют края фотографий, как скручиваются улыбки.

Слишком больно было представлять, как эти альбомы перелистывают руки Светланы.

Нет. Из той квартиры мне нужно было уезжать.

К тому же нервничал Геннадий. Он временно, до моего переезда, жил у Светланы. Я понимала, что квартира у неё небольшая, и чувствовал он себя там неуютно.

Это читалось, когда он иногда появлялся вечером, якобы за нужными вещами. Звонил заранее, коротко: «Я заеду». Приходил, что-то искал в ящиках письменного стола, на антресолях. Поглядывал на кухню голодным, почти растерянным взглядом, и это было почти смешно, если бы не было так противно.

Думал, что я его приглашу на борщ? Ну уж нет.

Спрашивал что-нибудь необязательное, нейтральное: «как сама?», «как на работе?». Я отвечала также нейтрально: «нормально», «всё хорошо».

Мы развелись официально, подписали соглашение о разделе имущества, и все слова, которые стоило сказать, были сказаны. Говорить больше было не о чём.

Когда он перевёл компенсацию на мой счет, я написала ему одно сообщение: «Спасибо, деньги поступили». Отправила и убрала телефон.

Всё. Весь тот месяц я была не на своём месте.

Теперь — на своём.

Да, до работы немного дольше добираться. Это единственный минус, и я быстро перестала считать его минусом.

Потому что вечером, возвращаясь с метро, могла сделать крюк через исторический центр. Идти, не спеша, по брусчатке мимо старых доходных домов с лепниной, дышать ветром с реки — холодным, острым, с привкусом воды и железа, — останавливаться на мостах и смотреть на темную воду, на отражения фонарей.

Это был мой город, который я почти не видела за годы семейного быта с маршрутами от дома до работы, от работы до магазина, от магазина до дома.

Теперь город стал вновь моим.

И новое жильё тоже постепенно становилось моим. Каждый вечер я что-то доделывала, переставляла, находила нужное место для очередной мелочи. Это занятие оказалось неожиданно медитативным: вот здесь лампа даёт правильный свет для чтения, сюда — подставка с чаем, вот здесь, на подоконнике, будет хорошо маленькому кактусу.

Книжный шкаф бывшей хозяйки я пока не трогала. Он стоял в прихожей — величественный, темно-вишневый, с лёгким запахом старого лака и бумаги. Шкаф мне не мешал. Даже, пожалуй, нравился. Был в нём какой-то характер.

Но в один из вечеров любопытство взяло верх.

Открыла тяжелую дверцу. Петли отозвались негромким, чуть торжественным скрипом, и оттуда дохнуло старой типографией, временем, чьей-то прочитанной жизнью. Этот запах невозможно описать точно. Можно только узнать.

Я пробежала глазами по корешкам с ощущением предвкушения, почти детского. Здесь были книги не совсем уж старые: издания середины и конца прошлого века, советские, в потрепанных суперобложках и без.

Зеленые, синие, бордовые корешки с золотым тиснением. Академические собрания соседствовали с тонкими сборниками стихов, толстые энциклопедии с маленькими томиками в мягких обложках.

Кто-то читал это, расставлял по полкам, следуя своей логике. Здесь была жизнь, и я её чувствовала кончиками пальцев. «Буду не спеша перебирать эти богатства — книгу за книгой, страницу за страницей».

Это и стало моим вечерним ритуалом. Дни укорачивались, с работы я возвращалась затемно, когда пары были во второй половине дня.

Переодевалась, варила что-нибудь простое, заваривала чай и перед сном брала одну из книг. Забралась под плед и читала. Неторопливо, наслаждаясь текстами и образами. Бумага под пальцами была шершавой, немного ломкой — такой, какой бывает только у старых изданий.

В один из таких вечеров я решила добраться до верхней полки.

Приставила икеевскую деревянную стремянку и добралась до верха, держась одной рукой за боковину шкафа.

Там в дальнем углу, за картонной коробкой с нечитаемой надписью карандашом, стояла «Капитанская дочка». Издание 1958 года, синий коленкорový переплёт с тисненым профилем Пушкина. Книга словно распухла от времени: тесно зажата с обеих сторон другими томами, она будто выросла в них.

Я ухватила двумя пальцами за верхний край и потянула. Книга не поддавалась. Я дернула сильнее и едва не потеряла равновесие, качнулась на стремянке, схватилась за полку.

Книга вылетела из рук.

И вместе с ней — конверт.

Он упал на пол прихожей тихо и невесомо. Старый почтовый конверт из довольно плотной, слегка пожелтевшей бумаги. В правом верхнем углу — нарисованная марка. Слева в кружочке — изображение Дома культуры металлургов города Рустави.

Но всё это я рассмотрела позже.

Потому что сначала увидела надпись.

Вместо адреса. Неровным почерком, торопливым и одновременно старательным — будто человек волновался, но всё равно хотел написать разборчиво:

«Тому, кто найдёт. Не выбрасывай».

Я стояла посреди прихожей в старых носках и держала конверт в

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.